

РЕЦЕНЗИИ

П. ДЭВИДСОН. БИБЛИОГРАФИЯ ПРИЖИЗНЕННЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА: 1898–1949/ ПОД. РЕД. К.Ю. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО. СПБ.: КАЛАМОС, 2012. 340 с.

Совсем недавно вышла в свет уникальная в своем роде книга – “Библиография прижизненных публикаций произведений Вячеслава Иванова: 1898–1949”, изданная при поддержке Исследовательского центра Вячеслава Иванова в Риме. Ее автор – Памела Дэвидсон (Лондон), редактор – Константин Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург). Оба эти имени широко известны и авторитетны среди знатоков творчества писателя. Их совместная целенаправленная работа шла в течение последних трех лет на противоположных концах Европы с одинаковым напряжением и заинтересованностью. Несмотря на то, что в процессе подготовки книги ломались копыя по многим вопросам классификации и унификации библиографического материала, ученые неизменно искали и находили компромиссные решения. О принципиальном единодушии П. Дэвидсон и К. Лаппо-Данилевского говорят их статьи, дополняющие друг друга, хотя и сохраняющие индивидуальную позицию.

Сама идея создания полного библиографического описания произведений крупнейшего поэта-символиста, мыслителя, литературного критика, филолога-классика и переводчика была инициирована его сыном, Димитрием Вячеславовичем (1912–2003), памяти которого и посвящена книга. П. Дэвидсон познакомилась с детьми поэта еще в 70-е гг., когда начала заниматься творчеством Иванова. Тогда же она получила от них напутствующее благословение на подготовку библиографии ивановских публикаций. Первым плодом многолетней работы стала фундаментальная аннотированная библиография критической и научной литературы об Иванове – *Davidson P. Viacheslav Ivanov: A reference guide*. New York: G.K. Hall, 1996. Однако в этом солидном труде, по правилам издательства, практически не упоминались произведения самого поэта. Тем не менее, собирая публикации об Иванове, исследовательница не могла параллельно не накапливать материал, связанный с изданиями его собственных произведений. Нужен был только толчок, счастливый случай, для того чтобы весь массив информации начал выстраиваться в давно задуманное целое.

Час пробил, когда в Пушкинском Доме (ИРЛИ РАН) в 2008 г. стартовал проект по изданию малого

академического собрания Вячеслава Иванова и К. Лаппо-Данилевский предложил П. Дэвидсон, у которой к этому времени уже был собран огромный материал, взяться за подготовку издания полной библиографии поэта. Как говорится, звезды сошлись. Добрый бог удачи, *Кайрос*, был ловко схвачен за чуб¹, и работа началась.

Всю эту предысторию излагает автор книги в прекрасной вступительной статье. Эпиграфом к ней поставлены слова Вяч. Иванова из письма Е.Д. Шор 1929 г.: “библиографы не сумеют собрать мои растерзанные члены”². В этом высказывании – герменевтический ключ к осмыслению библиографического текста Иванова. По крайней мере свой труд П. Дэвидсон изначально понимала как попытку собрать эти “растерзанные члены” и тем самым восстановить цельную картину творческой деятельности Иванова.

Реконструировать библиографический корпус во всей полноте – задача далеко не простая. Удивительное дело: прижизненные публикации и переводы произведений Иванова появлялись по всему миру (от Нью-Йорка до Шанхая). Такой географический размах свидетельствует о том, что творчество Иванова, обычно признаваемое сложным и по-гераклитовски *темным*, оказывалось, было достаточно востребованным читателями и издателями разных стран. Произведения поэта были переведены еще при жизни на многие языки³ и опубликованы в разнообразных периодических изданиях и сборниках, многие из которых теперь отыскать не так легко.

¹ В ранней переписке Вяч. Иванова с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал имя этого бога фигурировало довольно часто. Так, например, поэт полусотливо обыгрывал взаимосвязь Кайроса и вдохновения: “Муза не любит быть не принятой, когда она велит доложить о своем визите, и Греки учили хватать Добрый час за чуб, или, выражаясь по-твоему, за клок, который для блага человечества и рос нарочно надо лбом дружественного демона” (*Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия*. Переписка: 1894–1903: В 2 т. / Подготовка текста, вступ. статьи, комментарии Н.А. Богомолова, М. Вахтеля, Д.О. Солодкой. Т. 1. М.: НЛЮ, 2009. С. 496).

² *Сегал Д., Сегал (Рудник) Н.* “Ну, а по существу я Ваш неплатный должник”: фрагменты переписки В.И. Иванова с Е.Д. Шором // *Символ*. 2008. № 53–54. С. 351.

³ О количестве языков, на которые были переведены произведения Иванова к моменту его смерти, во вступительной статье говорится дважды и по-разному. В первом случае говорится об одиннадцати языках (с. 7), во втором – о восьми (с. 12).

П. Дэвидсон и редакторская группа справились со своей задачей блестяще. Трудно даже представить себе, какие скрупулезно-кропотливые усилия им пришлось предпринять, чтобы найти и проверить все собранные сведения *de visu*, как того требуют библиографические заповеди. За исключением единственного случая, отмеченного в книге астериском, все публикации были освидетельствованы, отсняты и отсканированы. По существу, это титанический труд, не яркий, поражающий глобальностью, а незаметный, рассредоточенный по библиотекам и архивам всего мира, но от этого не менее впечатляющий.

На сегодня «Библиография прижизненных публикаций произведений Вячеслава Иванова» является самым полным и фундаментальным путеводителем по творчеству поэта. Она охватывает 52 года писательской деятельности Иванова. Полвека – большой период для поэта. Практически никто из собратьев-символистов не дотянул до такой дистанции, разве что Константин Бальмонт. Его библиография огромна и, несомненно, превышает ивановскую по объему. Словно предвидя дальнейшие сопоставления, Вячеслав Иванов высказался по этому поводу в беседе с М. Альтманом: «Бальмонт подлинный, Божьей милостью, первоклассный поэт, но он, к сожалению, слишком много (скажем скромно: 70%) написал ненужного». В себе же поэт признавал другую крайность: «Что касается меня, я сам на себя за свою медлительность пеняю, но она у меня так сильна, что я дивлюсь, что у меня все ж многое издано»⁴.

А издано при жизни Иванова действительно достаточно много – библиография фиксирует более шестисот публикаций (точнее, 627). Причем в этот приличный по объему список не вошел ряд публикаций, имеющих косвенное или вовсе не имеющих никакого отношения к писательскому дискурсу как таковому. Эти ограничения оговорены в редакторской статье Лаппо-Данилевского. Там же подчеркнута основная цель библиографии – *документировать литературную деятельность Вяч. Иванова*.

Показательно, что под этой деятельностью в библиографии понимается не только поэзия, философско-эстетическая эссеистика, литературно-критическая и переводческая стороны многогранной личности Иванова, но и собственно научная. Так, в рубрику «Проза» вошли обе диссертации Иванова (*De societatis vestigalium publicorum populi Romani* = *Общества государственных от-*

купов в римской республике <Ottoni Hirschfeldo: magistro>. СПб.: Тум. М.А. Александрова, 1910; *Дионис и дионисийство*. Баку: 2-ая Гос. муз., 1923). Такой подход вполне органичен для Иванова. В разных автобиографических заметках, включающих библиографический раздел, он чаще всего отдавал первенство поэтическим трудам, а затем уже указывал научные и литературные, не очень строго ранжируя их по значимости.

Так, например, в библиографии, написанной в Италии не раньше 1930 г., он классифицирует свои произведения за 1898–1930 гг. по трем рубрикам: *Poesia, Saggi critici e filosofia* и *Filologia classica*⁵. По существу те же разделы встречаем в более позднем варианте библиографии в *Curriculum Vitae* (1937): *Poesia, Scritti d'erudizione, Saggi estetici ed filosofici*⁶. Как видим, самой важной в библиографическом отношении для Иванова неизменно оставалась *Поэзия*. Рубрики же *Научные труды* (*Классическая филология*) и *Критические и философские эссе* (они же и *эстетические*)⁷ могли меняться местами в зависимости от ситуации.

Отметим к тому же мнение Ф. Вестбрука о смешении научного и религиозно-философского стилей в диссертационных текстах Иванова: «На самом деле в форму научного исследования облачены личные религиозные и философские искания автора. Это становится особенно наглядно, когда научный дискурс в работах Иванова уступает место вдохновенным размышлениям о мистике и религии»⁸. Таким образом, отнесение диссертационных исследований Иванова к литературной деятельности вполне обосновано.

Весь массив публикаций распределен на основе двух структурных принципов: хронологического и формально-дискурсивного, или, если угодно, синтагматического и парадигматического. Они системно организуют публикации каждого года, дифференцируя их по шести рубрикам:

⁵ Беловой автограф библиографии, написанной на бланке «Almo Collegio Borromeo, Pavia», находится в РАИ (Оп. 6. Карт. 4. Тетр. 4. П. 4. Л. 1–1 об.) и выставлен в электронном виде на официальном сайте «Исследовательского центра Вячеслава Иванова в Риме» – <http://www.v-ivanov.it/archiv/orb-k04.htm>.

⁶ РАИ. Оп. 6. Карт. 1. Тетр. 2. П. 2. Л. 1–1 об. Машинопись с правкой рукой Вяч. Иванова (<http://www.v-ivanov.it/archiv/orb-k01.htm>).

⁷ Очевидно, Иванов писал названия этих рубрик с вариациями, используя по памяти подзаголовки своих книг: «По звездам» (1909) имела жанровый подзаголовок «Опыты философские, эстетические и критические», «Борозды и Межи» (1916) – «Опыты эстетические и критические», а «Родное и Вселенское» (1917) – просто «Статьи: 1914–1916».

⁸ Вестбрук Ф. Дионис и дионисийская трагедия: Вячеслав Иванов. Филологические и философские идеи о дионисийстве. München: Verlag Otto Sagner, 2009. С. 3.

⁴ Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. Составление и подготовка текстов В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского. Статья и комментарии К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995. С. 24, 69.

стихи, проза, драматургия, письма, переводы и редакторская деятельность. Диапазон рубрик описан в статье К. Лаппо-Данилевского “Правила оформления библиографии”, важной не только для ориентации в многоплановых литературных стратегиях Вяч. Иванова, но и в принятых в книге унификациях, библиографических описаниях, сокращениях и т.д.

Некоторые сомнения возникают по поводу содержания традиционно выделяемых библиографических разделов поэзии и прозы. В ивановской библиографии к “Прозе” относится достаточно широкий по жанру материал, объединенный общим формальным признаком. Это все то, что в верленовском духе, не поэзия, это *все прочее – литература*: рецензии, эссе, статьи, научные труды. Впрочем, помимо того, что достаточно сложно разделить непоэтические тексты Иванова по жанру (о чем уже упоминалось ранее), признаем, что такая классификация корректно отражает библиографические приоритеты Иванова, а они, в свою очередь, – его творческое самосознание. Поэзия для него всегда на первом месте, все остальные писательские дискурсы – критические, эстетические, философские, научные – вторичны. Иными словами, в библиографии можно увидеть не просто сухой перечень работ, а в некотором смысле символическую структуру, указывающую на определенную систему ценностей и иерархий как самого поэта, так и авторов библиографического свода.

В нашем случае структура “Библиографии прижизненных публикаций произведений Вяч. Иванова” нацелена на решение сразу двух ее важнейших задач. Первая – это создание целостной картины и прослеживание общего развития литературной деятельности Иванова на протяжении полувека. Хронологический принцип двигает вперед весь библиографический массив по рельсам истории и автобиографическим тропинкам. Внутреннее же алгоритмическое повторение одних и тех же рубрик по годам помогает, по мнению создателей книги, увидеть *соотношение и баланс между разными жанрами творчества писателя на каждом этапе.*

Для П. Дэвидсон библиография Иванова – это некий текст, полезный не только в справочных целях, но и в концептуальных, метафизических смыслах. Она понимает библиографию писателя как *своего рода ткань, на которой разноцветными нитками (языки, жанры) вышиты разнообразные узоры.* Такой подход позволяет исследователю сделать интересные наблюдения о пиках публикаторской активности Иванова, которые пришлось на 1904–1906 и 1914–1917 гг. Не менее

любопытными являются данные библиографического свода, корректирующие общеизвестные представления об уменьшении количества публикаций Иванова в последний, римский период, когда он был связан обязательством не печататься в эмигрантских изданиях. Библиография наглядно демонстрирует, что его произведения достаточно широко публиковались еще до 1936 г., т. е. до официального отказа от советского гражданства, освобождающего его от обещаний, данных перед отъездом в Италию в 1924 г. Очень интересным фактом, требующим дальнейшего осмысления, является то, что два произведения Иванова печатались чаще всего – восемь раз. Это “Путь в Эммаус” и “Нищ и светел”. По предположению Дэвидсон, это может быть обусловлено *ярко выраженной мыслью первого стихотворения “о жертвенном, о мертвом Боге”, отчего “сердце – дышит и горит...”, и красивой простотой последнего куплета второго:*

Нищ и светел прохожу я и пою –
Отдаю вам светлость щедрую мою.

С такой трактовкой нельзя не согласиться. Идея жертвы является магистральной в творчестве поэта, а в приведенных строчках, действительно простых, красивых и смиренных, выражена суть его поэтологии. Так что, наверное, литературная судьба этих двух произведений далеко не случайна.

Особой похвалы заслуживает реабилитационный подход к осмыслению *переводческого узора* в ткани ивановской библиографии. Он вбирает в себя как многочисленные переводы самого поэта, так и не менее многочисленные переводы его произведений. По мнению автора библиографии, *обе категории переводов сыграли ключевую роль в развитии его литературной карьеры и репутации.* Вполне убедительно выглядит предположение о возможном законе культурного взаимодействия, *в силу которого интерес иностранных писателей пробуждается в первую очередь к творчеству тех, кто сам выступает как активный посредник между культурами.*

Если П. Дэвидсон помогает читателям осознать писательскую судьбу Иванова через его библиографический текст, то К. Лаппо-Данилевский детально объясняет правила оформления библиографии и ее отличие от других подобных изданий. Основная отличительная черта – подробная роспись состава сборников статей и лирики поэта – связана с тем, что прижизненная библиография произведений Иванова – это важное подспорье при работе над малым академическим собранием его сочинений. Но нельзя не

отметить, что любой исследователь творчества Иванова легко сориентируется в его первой научной библиографии, выстроенной, согласно библиографической мудрости, с заботой об удобстве и экономии сил будущего читателя.

Особенно ценными являются указатели, входящие во вспомогательный раздел книги. В них впервые собраны перечни всех художественных произведений, литературно-критических и философских эссе, рецензий, писем, его переводческих и редакторских трудов, а также переводов его текстов на иностранные языки, с отдельным списком переводчиков. Имеется также указатель имен, значительно облегчающий изучение различных аспектов творчества Иванова.

Благодаря кропотливой и самоотверженной работе автора и редактора книги, теперь можно легко уточнять многие темные места издательской судьбы произведений поэта. Возьмем, к примеру, историю перевода центральной трагедии Иванова «Тантал». В брюссельском собрании сочинений сообщается, что первый перевод был осуществлен в 1908 г. Генри фон Гейзелером (1875–1928) размером подлинника на немецкий язык. Как пишет О. Дешарт: «В печати он появился лишь через 32 года: Wenceslas Iwanow. Tantalos: Tragödie / Deutsch von Henry von Heiseler. – Dessau: Karl Rauch Verlag, 1940» (II, 676). Эту же информацию повторяет В.Н. Топоров в статье «Миф о Тантале (об одной поздней версии – трагедия Вяч. Иванова)»⁹. Однако данные библиографии показывают, что отрывки из трагедии были переведены на французский прозой и напечатаны в критической статье А.В. Гольштейн уже в 1906 г.: *Tantale: Tragédie de Wenceslas Ivanoff / Alexandra Holstein // Ecrits pour l'Art. Nouvelle série. – 1905/1906. – Mars/Février. – P. 449–457*¹⁰. Вместе с переведен-

ными тогда же двумя стихотворениями эта публикация по существу открывала для европейского читателя творчество молодого поэта. Таким образом, «Тантал» стоял на авансцене европейской известности Иванова. Кроме того, трагедия в переводе Гейзелера вышла не в 1940 г., а на десятилетие раньше, в 1930-м: *Tantalos: Tragödie / Deutsch von Henry von Heiseler // Orient und Occident. – 1930. – Heft 4. – S. 45–63*. А на следующий год фрагменты того же перевода вышли в Швейцарии: *Aus der Tragödie Tantalos: Von Wjatscheslaw Iwanow / Deutsch von Henry von Heiseler // Neue Schweizer Rundschau: Nouvelle Revue Suisse. – 1931. – No. 40–41, Heft 2. – Februar. – S. 135–143*.

И это только один пример, а сколько подобных уточнений еще впереди!

Бытует мнение о закате печатной библиографической продукции в электронную эру. В этом смысле «Библиография прижизненных публикаций произведений Вяч. Иванова» вполне современна. Печатному варианту предшествовала электронная публикация (полностью – в 2011 г. на сайте University College London, а в отдельных файлах – на сайте Пушкинского Дома). Но в какой бы форме она ни была востребована, эта библиография несомненно будет полезна. Она выполняет не только свою прямую задачу – дает документированный ретроспективный обзор литературной судьбы ивановских произведений, но и символическую, суть которой – возрождение живого голоса Вяч. Иванова в современной культуре, в его, так сказать, *культурной палингенезисе*. Во многом она возможна, согласно любимому мифу поэта, в результате бережного и тщательного собирания библиографами его *разбросанных членов*.

С. В. Федотова

⁹ Топоров В.Н. Миф о Тантале (об одной поздней версии – трагедия Вяч. Иванова) // Палеобалканистика и античность: Сб. научных трудов. М.: Наука, 1989. С. 91.

¹⁰ В письме к А.В. Гольштейн от 14/27 марта 1906 г. Иванов не только благодарил за глубокий и понимающий разбор трагедии, но и прежде всего за «перевод цитированных мест: такой перевод в прозе именно желателен для поэта, пишущего с некоторой сосредоточенностью мысли и

взвешенным выбором слов и образов; приблизительная передача его содержания в стих такого поэта не пленяет. А Ваша передача заставила меня мечтать о полном переводе «Тантала» в этой форме» (Переписка Вяч. Иванова с А.В. Гольштейн / Вахтель М. и Кузнецова О. // *Studia Slavica Academiae scientiarum hungaricae*. Budapest, 1996. Т. 41. Р. 372).